

Специфика и особенности конфессиональной политики Российской империи в Осетии в конце XVIII – первой половине XIX в.

Ф.М. Кулиев^{1а}, С.К. Осипов^{2б}, К.В. Каспарян^{2с}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Северо-Кавказский институт, г. Пятигорск, Российская Федерация

²Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5061-9416>, e-mail: kuliev_farman@mail.ru

^бORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7059-863X>, e-mail: osipov@pgu.ru

^сORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3982-7713>, e-mail: kasparyan@pgu.ru

Резюме: Статья посвящена описанию характерных особенностей конфессиональной политики российской администрации Северного Кавказа на территории Осетии в конце XVIII – первой половине XIX в. В исследовании проведен анализ специфики распространения исламской религии в осетинской среде, комплекса внешних факторов, способствовавших данному процессу, а также характера взаимодействия между мусульманской и христианской аланскими общинами. В рамках настоящего исследования проведен анализ особенностей политики, реализуемой российскими властями в отношении исламского и православного сообществ Осетии. Особое внимание уделено исследованию роли личностного фактора в контексте стратегии, принятой наместником Северного Кавказа М. С. Воронцовым в контексте данной научной проблемы.

Ключевые слова: исламизация; христианизация; Османская империя; уорки; мусульманское духовенство; народные верования; Осетинская духовная комиссия; политика веротерпимости; мюридизм; исламские реформаторы; духовные школы

Для цитирования: Кулиев Ф.М., Осипов С.К., Каспарян К.В. Специфика и особенности конфессиональной политики Российской империи в Осетии в конце XVIII – первой половине XIX в. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(4):820-839 DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-820-839

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The specifics and peculiarities of the confessional policy of the Russian Empire in Ossetia in the late XVIII – first half of the XIX centuries.

F.M. Kuliye^{1a}, S.K. Osipov^{2b}, K.V. Kasparyan^{2c}

¹*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North Caucasus Institute, Pyatigorsk, the Russian Federation*

²*Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5061-9416>, e-mail: kyliev_farman@mail.ru

^bORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7059-863X>, e-mail: osipov@pgu.ru

^cORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3982-7713>, e-mail: kasparyan@pgu.ru

Abstract: This article is devoted to the study of the characteristic features of the confessional policy of the Russian administration of the North Caucasus on the territory of Ossetia in the late XVIII and the first half of the XIX centuries. The study analyzes the specifics of the spread of the Islamic religion in the Ossetian environment, the complex of external factors that contributed to this process, as well as the nature of interaction between Muslim and Christian Alan communities. In this paper, the features of the policy of the Russian authorities in relation to the Islamic and Orthodox communities of Ossetia are investigated. Moreover, the research disclose the role of the personal factor expressed in the various approaches of the governors of the North Caucasus such as A.P. Ermolov and M.S. Vorontsov to the scientific problem under consideration.

Keywords: Islamization; Christianization; Ottoman Empire; Wark; Muslim clergy; folk beliefs; Ossetian Spiritual Commission; policy of religious tolerance; Muridism; Islamic reformers; theological schools

For citation: Kuliye¹F.M., Osipov S.K., Kasparyan K.V. The specifics and peculiarities of the confessional policy of the Russian Empire in Ossetia in the late XVIII – first half of the XIX centuries. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(4):820-839 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-820-839

Введение

Северо-Кавказский регион в силу своего географического положения – расположения на пересечении крупных торговых маршрутов, наличия природных ресурсов и благоприятных условий для земледелия – с давних времен представлял значительный интерес для великих держав разных эпох и являлся предметом военного и политического соперничества между ними. Российское государство по мере расширения и укрепления своих позиций на междуна-

родной арене также проявляло глубокую заинтересованность в установлении контроля над данным регионом; с XVIII в. Российская империя, по существу, обрела статус ключевого внешнего актора на Северном Кавказе.

Помимо использования экономических и силовых методов воздействия на местные этносы, российские власти стремились укреплять свои позиции посредством реализации взвешенной конфессиональной политики, проводимой с учетом высокого уровня значимости религиозного сознания у горских народов в исследуемый период.

И в условиях современности Северо-Кавказский регион имеет для Российской Федерации стратегическое значение. Как и в дореволюционный и советский периоды, Северный Кавказ является территорией проживания народов, имеющих отношение к различным языковым группам и конфессиональным сообществам. Следовательно, изучение опыта национальной и религиозной политики в регионе, которая осуществлялась в прошлые столетия, является важным и актуальным компонентом реализации эффективной стратегии управления этим регионом.

В данном контексте конфессиональная политика российской администрации на территории Осетии – национального образования, в котором лояльность к России была максимальной, имеет особое значение.

Российское правительство выработало и проводило в Осетии политику по религиозному вопросу с учетом специфики данного региона, с привлечением местной аристократии, в том числе мусульманской, в органы власти, в результате которого прослеживалась конфессиональная терпимость.

Религиозная политика Российской империи в Осетии имела в определенных случаях противоречивый характер, включающий разные способы и методы, требующие глубокого изучения и осмысления.

Целью данного научного исследования является анализ характерных особенностей религиозной политики российской администрации на территории Осетии в период с конца XVIII до первой половины XIX века. В работе будет рассмотрено влияние причинно-следственных связей на итоговые результаты данной политики.

Для достижения цели данного исследования сформулированы основные **задачи:**

- рассмотреть особенности процесса распространения мусульманской религии в Осетии и определить причины фактической локализации утверждения ислама в основном среди аланской аристократии;

- осмыслить специфику политики российских властей по отношению к исламской и христианской осетинским общинам в конце XVIII – первой половине XIX в.;

- исследовать личностный фактор конфессиональной политики Российской империи на территории Осетии в рассматриваемый период посредством анализа управленческих методов наместника Кавказа М.С. Воронцова (1823–1854).

Историография проблемы

Проблема реализации конфессиональной политики российской администрации на территории Осетии в конце XVIII – первой половине XIX в. в той или иной степени является объектом изучения ряда отечественных и зарубежных экспертов.

Такие специалисты, как Д.З. Хайретдинов, Н.М. Емельянова, Я.А. Амелина, К.В. Каспарян, Т.Е. Дзеранов, Б.М. Бирагова, Р.К. Келехсаев, изучают историю становления и развития исламской уммы Осетии, а также особенности ее двустороннего диалога с российскими властными структурами.

М. Арсанукаева, А. Гиль (1943-1988), А. Шабациук; А.К. Аликберов, В.О. Бобровников, А.К. Бустанов; С. Хантер; С.К. Осипов; Р. Бухараев (1951–2012), Й. Пилкингтон, Г. Емельянова, Р.К. Келехсаев, Э. Аскеров анализируют в своих научных трудах особенности распространения ислама на Северном Кавказе и на территории Российского государства.

Кроме того, различные аспекты изучаемой в данном исследовании научной проблемы рассмотрены такими российскими и иностранными учеными, как Р.Т. Вердиев, Л. Молодикова, Э. Уотт, А.Л. Дзасохов, З.В. Канукова, Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян; Ф.М. Кулиев, И.Н. Колесников; Э. Ротштейн (1898–1994), Р. Кенез, А.Т. Баликоев и др.

Результаты

В период, охватывающий конец XV – начало XVI в., Северный Кавказ испытывал значительное воздействие со стороны Османской империи, что

привело к постепенному укреплению позиций ислама в регионе. Османы, расширяя своё влияние, проникали в прибрежные и внутренние районы Кавказа, принося с собой новые религиозные практики и обычаи. Местные жители, встречаясь с исламскими учёными и судьями, сталкивались с необходимостью адаптировать эти новшества к своим традиционным законам, известным как адаты.

Процесс адаптации способствовал укреплению ислама среди многих народов Северного Кавказа, включая черкесов, кабардинцев и адыгейцев, особенно к концу XVIII в. и в некоторых местах даже в начале XIX в. В отношении осетин существует несколько гипотез о времени и путях их исламизации. По одной из них утверждается, что ислам был принят некоторыми аланами уже в VII в., в то время как по другой – что ислам пришёл к осетинам в XVII–XVIII вв. из Кабарды, и его принятие было особенно распространено среди местной аристократии, находившейся под определенным влиянием адыгской политической элиты [1, с. 16].

В результате ислам стал религией высшего сословия. В то же время большинство населения, формально сохраняя исламские или христианские убеждения, продолжало следовать синкретическим верованиям и обрядам [2, с. 113].

В XIX в., в ответ на растущее влияние ислама, российские власти приняли шаги для создания религиозных анклавов в Дигорском ущелье, что позволило локализовать и контролировать распространение данной религии. В 1852 г. мусульмане сосредоточились вокруг селения Вольно-Магометановское, в то время как христиане сформировали сообщество вокруг Вольно-Христиановского. Эти меры обеспечили управляемость религиозным ландшафтом региона.

В период, когда русские военные структуры стремились укрепить своё влияние на Кавказе, они одновременно поддерживали амбиции кабардинских аристократов по усилению их власти над окружающими народами, рассчитывая таким образом расширить границы русского подданства. Они активизировали миссионерскую деятельность в регионах, где христианство традиционно имело значительное влияние. Данная политика достигла своего апогея после того, как в результате военных кампаний, возглавляемых генералом И.В. Якоби (1726-1803), Кабарда была покорена. Местные правители кабардинцев и

уорки (адыгская аристократия) дали клятву не мешать осетинам принять христианство и переселяться в Моздок и другие регионы [3, р. 209].

Для защиты от кабардинских набегов и освобождения от дополнительного налогового бремени многие осетинские селения были вынуждены принять ислам. При этом точную дату, когда Северный Кавказ стал преимущественно мусульманским, установить сложно, так как исламизация у разных народов не происходила одновременно [4, р. 42].

Наряду с утверждением ислама в качестве доминирующего конфессионального учения на Северном Кавказе среди местных этносов также шло распространение православного христианства. Особенно значимым событием в этом процессе стало создание Осетинской духовной комиссии в Кизляре в 1740-х гг. Её работа заложила основу для миссионерской деятельности среди народов Северного Кавказа и переселенцев из Закавказья. Инициативу в этом вопросе проявили грузинские церковные деятели, такие как архиепископ Иосиф и архимандрит Николай, которые подчеркивали давнюю приверженность осетин к христианской вере.

В 1764 г. была открыта духовная школа для обучения детей новообращённых осетин, которая функционировала до конца XVIII в. Однако миссионерская работа того времени сталкивалась с серьезными проблемами, так как новообращённым предлагались различные льготы, что часто приводило к принятию веры без глубокого понимания её основ [5, с. 93].

После того как в 1792 г. Осетинская комиссия прекратила своё существование, задача просветительства была возложена на викариат Астраханской епархии, который был учреждён в Моздоке. Священный Синод поручил епископу новой епархии просвещать осетин, следуя ранее установленным Осетинской церковной комиссией в 1771 г. директивам.

С началом XIX века среди осетинского населения наблюдалось значительное увеличение числа новообращённых мусульман. Этот феномен был вызван активной миссионерской деятельностью исламских проповедников, которые не только проповедовали новую веру, но и предлагали щедрые материальные стимулы. Турция и местная горская аристократия играли важную роль, предоставляя новообращённым различные льготы и привилегии. Эти факторы в совокупности создали благоприятную почву для распространения

ислама среди осетин, что оказало впоследствии влияние на их культурную и социальную жизнь.

В 1814 г. возобновила свою деятельность Осетинская духовная комиссия, а в 1824 г. Святейший Синод вновь возложил на неё прежние обязанности. Теперь акцент был сделан на духовное просвещение без предложения материальных стимулов. Благодаря этим изменениям с 1817 по 1822 гг. число новообращённых достигло 47 тысяч человек различных национальностей. В тот же период было восстановлено 29 храмов для осетин и 11 для кабардинцев, карачаевцев и абхазов, причём богослужения проводились на различных языках, включая грузинский, армянский и даже греческий [6, p. 65].

В 1870-х гг. Кавказская комиссия была трансформирована в Осетинскую духовную комиссию, деятельность которой находилась под контролем российской военной администрации и Священного Синода. Протоиерей А. Лебедев (1833–1898) был назначен руководителем комиссии, и в инструкциях для миссионеров особое внимание уделялось необходимости поддерживать высокие моральные стандарты и избегать любых форм насилия или коррупции в процессе обращения местного населения в православную веру [7, с. 88].

Исламизация, на первый взгляд, оказалась более успешной, чем христианизация. Американский исследователь Д.М. Макки (1935–2022) считал, что этот феномен объясняется склонностью горцев к концепции предопределения, ключевой идее Корана. Тем не менее истинными мусульманами они так и не стали. Ислам был принят в основном в ритуальной форме высшими слоями общества в том случае, если они представляли собой родовитую аристократию [8, с. 10].

В горных районах распространение и реальное влияние мусульманской религии было минимальным. Низинные территории были более открыты для ислама из-за их доступности и социального контекста, но даже в этой местности большинство населения относилось к данной религии безразлично, воспринимая ее как что-то официальное и чуждое. Традиционные обычаи и синкретические верования продолжали доминировать в сознании людей. Те представители аланского этноса, которые идентифицировали себя как мусульмане, мало чем отличались по мировоззрению, а также по своему жизненному укладу от осетин, которые всё ещё исповедовали язычество [9, с. 5].

В период формирования религиозной политики на территории Северного Кавказа царская власть столкнулась с растущим влиянием исламского духовенства на верующих, а также с распространением радикальных учений. Это могло способствовать усилению стремлений к сепаратизму и желанию объединения с мусульманскими странами.

С началом XIX в. новый виток исламизации, сопровождаемый радикальными настроениями, охватил этнополитические структуры Центрального Кавказа. Попытки Российской империи по распространению среди горского населения христианской веры, которые имели успех в Осетии, Ингушетии и отчасти в Балкарии, оказались малоуспешными.

Ведущие политические силы региона, стремящиеся к автономии, начали активно пропагандировать исламскую идеологию, используя ее как политический инструмент. Впоследствии христианство утратило свою привлекательность в качестве средства для достижения материальных выгод, что привело к изменению стратегии феодальных элит. Они начали активно поддерживать обращение населения в ислам, предоставляя различные привилегии и льготы тем, кто принимал новую религию. Лица, исповадавшие мусульманскую религию, занимали привилегированное положение в обществе, а христиане рассматривались в качестве подвластной им социальной группы [10, с. 74].

В эпоху пребывания А.П. Ермолова (1777–1861) на должности наместника Северного Кавказа российская региональная администрация начала активно вмешиваться в местные политические процессы, что совпало с религиозными преобразованиями, уже начавшимися в регионе.

Местные исламские лидеры разработали план трансформации горных сообществ, который предусматривал их объединение, искоренение языческих обычаев и конфликтов, а также строгий контроль над общественной и личной жизнью. Данная стратегия была ориентирована на создание политической модели в форме восточного деспотизма. В итоге идеалы морального возрождения нации быстро превратились в агрессивную политическую доктрину, которая выразилась в организованном сопротивлении иностранным иноверцам и принятии жестких мер в отношении внутренних оппонентов.

Российская империя также стремилась к глобальным изменениям, однако её планы модернизации были направлены на западные стандарты: укрепле-

ние государственной власти, введение унифицированных законов, развитие экономики и социальной сферы, а также культурная интеграция с Западом, включая миссионерскую деятельность. Обе стороны – исламские реформаторы и российские власти – воздействовали на традиционную социальную структуру Северного Кавказа извне.

Если бы социальная система могла оставаться изолированной от этих влияний, она бы не столкнулась с проблемами. Однако статичное состояние общества не могло продолжаться вечно, и всегда находились люди, чувствительные к идеям исламских и российских проектов модернизации. Таким образом, горные сообщества стали ареной борьбы между исламскими учениями и российской имперской политикой.

В стремлении укротить боевой дух горцев и привести их к миролюбивому образу жизни российские власти использовали религиозные учения как инструмент воздействия. Отношение властей к разным вероисповеданиям варьировалось в зависимости от степени преданности их последователей империи. Несмотря на официальную толерантность к религиозному синкретизму, на деле осуществлялась политика его искоренения посредством миссионерской деятельности. Осетинская духовная комиссия была задействована для активного распространения христианских верований среди горских народов, а также для внедрения идеи послушания законам Российской империи и выполнения указаний Кавказской администрации.

Архиепископ Евгений (1767–1837) указывал на фундаментальную ошибку, допущенную миссионерами на заре их деятельности. Они пропагандировали свободу и неподчинение установленным властям, а также обещали освобождение от налогов для новообращенных, что не могло привести к желаемым результатам [11, с. 61].

Успехи комиссии были скромными, и, чтобы оправдать значительные затраты на ее содержание, руководство прибегло к завышению показателей христианской миссии. Генерал И.Ф. Паскевич (1782–1856) в своем докладе от 5 июня 1828 г. указывал на расхождение между заявленным числом обращенных, достигающим 62 249 душ, и реальным населением Осетии, не превышающим 15 000 человек. Исследователь И. Беляев (1810–1873) отмечал, что

некоторые грузинские миссионеры стимулировали миссию предоставлением различных льгот [12, р. 85].

В эпоху Российской империи основным требованием к подданным, в том числе к мусульманам, была безоговорочная верность и преданность государственному строю. Императорские власти стремились внедрить на Северном Кавказе вероучение, соответствующее целям самодержавия, для укрепления общественного порядка.

С начала Кавказской войны царские чиновники акцентировали внимание на том факте, что конфликт не является атакой на исламский мир. Власти активно стремились привлечь мусульман, в особенности местную аристократию, к сотрудничеству с империей. С 1820-х гг. мусульмане-горцы были интегрированы в военные формирования. А.Х. Бенкендорф (1782–1844), один из самых доверенных лиц императора Николая I и знаток кавказских традиций, разработал правила для их обучения.

Он настаивал на уважении к культурным и религиозным особенностям горцев, включая запрет на употребление свинины и насмешки, отказ от физических наказаний, и на требовании невмешательства в религиозные практики [14, с. 183].

Его племянник, К.К. Бенкендорф, анализируя религиозную ситуацию на Кавказе, отмечал, что ислам как более молодая и понятная вера в регионе, наполненном военной энергией, стал символом завоевания, в то время как христианское учение было менее известно. Коран стал основой образования и размышлений для мусульман, глубоко интегрировавшись в их повседневную жизнь [15, р. 89].

Православная миссия как часть идеологии российской политики была направлена против ислама, язычества, католицизма и протестантизма как потенциальных агентов влияния иностранных держав в регионе. Миссионеры, действуя с большой самоотверженностью и, по-видимому, эффективностью, столкнулись с запретом на пребывание на Кавказе со стороны Санкт-Петербурга. В первой половине XIX в. иезуит отец Генрих, освоивший местные языки, стремился обратить осетин и другие народы в католицизм. Шотландский протестантский миссионер Блайд, проповедуя на родном языке ингушей, заво-

евал их уважение, но был изгнан царскими властями, опасавшимися его идеологического влияния.

В XIX в., в эпоху царствования Николая I, на Северном Кавказе развернулась активная миссионерская деятельность. Стремясь укрепить влияние христианства, миссионеры порой прибегали к прямолинейным методам обращения горцев в веру, предлагая различные стимулы. Эта практика привлекала желающих, часть из которых проходила обряд несколько раз, сохраняя при этом свои синкретические убеждения.

С целью систематизации миссионерской работы в 1829 г. по инициативе императора было принято решение о создании специализированного общества. Миссионеры одновременно являлись проводниками российской государственности, распространяющими порядки и законы Российской империи.

От кандидатов на эту роль требовалось обширное знание истории, владение русским языком и понимание культуры региона, чтобы они могли адаптировать свои проповеди к восприятию местного населения. Кроме того, знания в области медицины и хирургии помогали миссионерам завоевывать доверие горцев, оказывая им помощь в лечении. Важным аспектом было также изучение языков коренных народов Северного Кавказа [16, p. 152].

При формировании правил будущего миссионерского общества обсуждался вопрос ограничения конфессионального разнообразия, чтобы избежать сомнений и колебаний среди горцев, сталкивающихся с различными христианскими течениями. В результате было решено подготовить миссионеров непосредственно из числа жителей Северного Кавказа. В 1834 г. открылась первая духовная школа в Моздоке, а спустя два года – во Владикавказе. Эти учебные заведения были направлены на обучение местных детей основам грамотности и христианским ценностям, при этом родители учащихся были освобождены от некоторых общественных обязанностей в качестве поощрения.

В 1830-х гг., в рамках укрепления идеологической роли православия, церковь стала ключевым элементом политической системы, что отражалось в теории официальной народности, сформулированной министром просвещения С.С. Уваровым (1786–1855). Триада «Православие, Самодержавие, Народность» легла в основу идеологии Российской империи, влияя на все аспек-

ты общественной жизни, включая требование к государственным служащим ежегодно подтверждать свою приверженность церкви.

В контексте исследования гуманитарных дисциплин министр просвещения Сергей Уваров взял за основу мысль Л. Ботена (1796–1867) из Страсбурга, согласно которой христианство является учением, проникнутым глубочайшей мудростью и высшей наукой, и именно в нём следует искать истину [17, с. 467].

На Северном Кавказе российское имперское управление стремилось не только утвердить своё господство, но и демонстрировать заботу об автохтонных народах, подчёркивая, что они являются полноправной частью Отечества. Важно отметить тот факт, что, несмотря на поддержку миссионерской деятельности Русской Православной церкви, власти проявляли терпимость к мусульманам, проживавшим в пределах империи, и воздерживались от репрессий в их адрес. Политика в отношении ислама была осторожной и учитывала долгосрочные интересы, особенно в условиях продолжительного конфликта, известного как Кавказская война.

В период военных действий мусульманское духовенство, обладавшее значительным влиянием, стало основной проблемой для царского правительства. В ответ наместник Кавказа М.С. Воронцов в середине XIX в. принял меры для стабилизации ситуации в регионе. Это включало в себя регулирование торговли с горцами, установление границ между казачьими войсками и исламскими общинами, а также порядок разрешения имущественных споров среди мусульманского населения. Эти действия были направлены на создание устойчивого порядка и взаимопонимания между различными этническими и религиозными группами в регионе [18, с. 146].

В 1846 году по инициативе М.С. Воронцова император Николай I подписал указ, регламентировавший условия выделения земельных наделов ханам и бекам. Целью данного указа было стимулирование их участия в общественно-экономическом развитии государства. [19, с. 9].

Наместник Кавказа выражал убежденность в том, что применение силы не является эффективным средством противодействия. В период своего пребывания на посту руководителя российской имперской администрации в Северо-Кавказском регионе он активно использовал контрмеры против влияния Шамиля и мюридизма. Перед началом военных действий М.С. Воронцов рас-

пространял среди горцев обращения, такие как «Прокламация к жителям Дагестана» и «Прокламация к горским народам», призывая к их разуму и пытаясь убедить их в выгодах мирного сосуществования с Россией, обещая сохранение их жизни, религии, законов, обычаев и земель.

Руководитель российской имперской администрации региона заверял, что его задача – прекратить преступные действия Шамиля (1797–1871) и его соучастников, наказать самозванца, который, по его словам, искажает ислам и вводит в заблуждение местные этносы, подстрекая к восстанию из-за личных амбиций и желания власти [20, р. 35].

Политика М.С. Воронцова во время Кавказской войны способствовала уменьшению напряженности в регионе, так как горцы осуществляли судопроизводство по своим традиционным законам, а не в рамках российской юридической практики, и сами определяли форму функционирования судебных институтов. В то же время это привело к ослаблению влияния радикальных мусульманских лидеров на их сородичей, что заложило основу для создания светского суда, пользующегося доверием у горских народов. Это стало ударом по мюридизму, который стремился устранить местное управление и традиции, заменяя их строгими правилами шариата и властными структурами клерикального характера.

Глава российской администрации на Кавказе, приверженный православным ценностям, настаивал на утверждении и защите межконфессионального и межнационального мира и согласия между христианами и мусульманами [21, р. 128].

В своих письмах Николаю I он подчеркивал важность взаимного уважения к религиозным убеждениям как основы для укрепления лояльности кавказских народов к Российской империи. М.С. Воронцов утверждал, что отношение мусульман к России напрямую связано с тем, как Россия относится к их вере [22, с. 507].

Кавказский наместник выступал против распространения мюридизма и религиозного фанатизма, указывая на опасность, которую представляли проповедники из Османской империи и Персии, стремящиеся подстрекавать местное население к восстанию. Он призывал к веротерпимости и противодействию

попыткам принудительного обращения мусульман в христианство, подчеркивая, что такие действия противоречат основам российской политики [23, с. 93].

Американские миссионеры Э. Смит и Х. Дуайт, посетив Кавказ, отмечали, что Россия, несмотря на жесткую политику в регионе, демонстрировала пример веротерпимости, достойный для подражания другими государствами [24, с. 89].

Заключение

Следует констатировать, что в Российской империи вероисповедание не влияло на назначение на высокие государственные должности, что способствовало формированию более инклюзивного общества.

Однако политика Санкт-Петербурга по сохранению власти местных правителей на Кавказе привела к противоречивым последствиям. Отсутствие единой административно-правовой системы и недостаточный контроль над некоторыми территориями затрудняли эффективное управление регионом и решение социально-экономических и политических проблем. Некоторые ханы использовали свою власть для усиления произвола, что усугубляло напряженность между местным населением и российскими властями.

М.С. Воронцов полагал, что настоящее завоевание Кавказа заключается не только в военном подчинении, но и в установлении доверительных и уважительных отношений с народами региона. Он считал, что развитие экономики и торговли является ключевым для долгосрочной интеграции Кавказа в состав Российской империи. Российская армия, выполняя общественные работы в мирное время, способствовала снижению социальной напряженности и укреплению связей между Кавказом и центральной властью.

Литература

1. Дзеранов Т.Е. *История принятия ислама в Осетии (Алании)*. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015;12–6:15–17.
2. Вердиев Р.Т. *Особенности современной Осетии*. М.: АСТ; 2009. 182 с.
3. Hunter S. *Islam in Russia: The Politics of Identity and Security*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2016. 562 p.
4. Askerov E. *Islam and Muslim Youth in Central Asia and Caucasus*. Baku: Eurasian Regional Center; 2020. 226 p.

5. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников. XIII – XIX вв.* Калоев Б.А. (сост.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство; 1967. 319 с.
6. Канукова З.В. *Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние*. Владикавказ: Институт правового обеспечения Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований; 2009. 172 с.
7. Kenеz P. *A History of the Soviet Union from the Beginning to its Legacy*. London: Cambridge University Press; 2017. 388 p.
8. Хайретдинов Д.З. *Ислам в Осетии. Информационный материал Исламского конгресса России*. М.: Эксмо; 1997. 234 с.
9. Келехсаев Р.К. *Конфессиональные аспекты политического и социокультурного развития Осетии в условиях общественных модернизаций. Автореф. дисс... канд. ист. наук*. Владикавказ, 2015. 28 с.
10. *Ислам на Северном Кавказе: история и вызовы современности*. Арсанукаева М., Гиль А., Шабациук А. (ред.). Люблин-Майкоп, 2014. 266 с.
11. Амелина Я.А. Мусульмане Северной Осетии: патриотический вектор. *Мусульманский мир*. 2014;2:56–69.
12. Бирагова Б.М. Ислам в Республике Северная Осетия-Алания: социальное акторство и политическая трансформация. *Социально-гуманитарные знания*. 2022;7:84–86.
13. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. *Российский ислам: Очерки истории и культуры*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт востоковедения Российской Академии Наук; 2018. 456 с.
14. Емельянова Н.М. *Мусульмане Осетии: На перекрестке цивилизаций: Монография*. М.: Российский институт культурологии; 2003. 359 с.
15. Bukharaev R. *Islam in Russia: The Four Seasons*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2014. 356 p.
16. Pilkington Y., Yemelianova G. *Islam in Post-Soviet Russia*. London: Routledge; 2022. 334 p.
17. *История Осетии. XX век*. Дзасохов А.Л. (ред.). М.: Наука; 2003. 632с.
18. Осипов С.К. Религиозный фактор в эволюции политической системы России. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2010;1:144–150.

19. Баликоев А.Т. *Проблемы межнациональных отношений в Северной Осетии и механизм их регулирования*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. 27 с.
20. Rotstein A. *A people reborn: the story of North Ossetia*. London: Lawrence & Wishart; 2019. 431 p.
21. Molodikova I., Watt A. *Growing Up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education (Central Asian Studies)*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2019. 224 p.
22. Блиев М.М. *Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации*. М.: Мысль; 2004. 877 с.
23. Кулиев Ф.М.О., Колесников И.Н., Осипов С.К., Каспарян К.В. Государство и церковь в Российской империи: проблемы взаимоотношений в XIX – начале XX в. *Вопросы истории*. 2022;7–1:90–96.
24. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Горский плен и его влияние на брачно-семейную и религиозную жизнь населения северокавказского пограничья в первой половине XIX в. *Журнал фронтирных исследований*. 2024;9(2(34)):81-97.

References

1. Dzeranov T.E. Istoriya prinyatiya islama v Osetii (Alanii) [The history of Islam adoption in Ossetia (Alania)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural sciences]. 2015;12–6:15–17. (In Russian)
2. Verdiev R.T. *Osobennosti sovremennoy Osetii* [Peculiarities of modern Ossetia]. Moscow: AST Press; 2009. 182 p. (In Russian)
3. Hunter S. *Islam in Russia: The Politics of Identity and Security*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2016. 562 p.
4. Askerov E. *Islam and Muslim Youth in Central Asia and Caucasus*. Baku: Eurasian Regional Center; 2020. 226 p.
5. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov. XIII – XIX vv* [Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers. XIII – XIX centuries.]. Kaloev B.A. (comp.). Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House; 1967. 319 p.

6. Kanukova Z.V. *Diaspora v Osetii: istoricheskiy opyt zhizneustroystva i sovremennoe sostoyanie* [Diasporas in Ossetia: historical experience of life organization and current state]. Vladikavkaz: Institute of Legal Support of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies; 2009. 172 p. (In Russian)
7. Kenez P. *A History of the Soviet Union from the Beginning to its Legacy*. London: Cambridge University Press; 2017. 388 p.
8. Khairtdinov D.Z. *Islam v Osetii. Informatsionnyy material Islamskogo kongressa Rossii* [Islam in Ossetia. Information material of the Islamic Congress of Russia]. Moscow: Eksmo Press; 1997. 234 p. (In Russian)
9. Kelekhsaev R.K. *Konfessional'nye aspekty politicheskogo i sotsiokul'turnogo razvitiya Osetii v usloviyakh obshchestvennykh modernizatsiy. Avtoref. diss... kand. ist. nauk* [Confessional aspects of political and socio-cultural development of Ossetia in the conditions of social modernization. Dissertation Theses]. Vladikavkaz, 2015. 28 p. (In Russian)
10. *Islam na Severnom Kavkaze: istoriya i vyzovy sovremennosti* [Islam in the North Caucasus: History and Challenges of Modernity]. Arsanukaeva M., Gil A., Shabatsyuk A. (eds). Lublin-Maykop, 2014. 266 p. (In Russian)
11. Amelina Y.A. Musul'mane Severnoy Osetii: patrioticheskiy vektor [Muslims of North Ossetia: patriotic vector]. *Musul'manskiy mir* [Muslim World]. 2014;2:56–69. (In Russian)
12. Biragova B.M. Islam v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya: sotsial'noe aktorstvo i politicheskaya transformatsiya [Islam in the Republic of North Ossetia-Alania: social actorism and political transformation]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2022;7:84–86. (In Russian)
13. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. *Rossiyskiy islam: Ocherki istorii i kul'tury* [Russian Islam: Sketches of History and Culture]. 2nd ed. revised and supplemented. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2018. 456 p. (In Russian)
14. Emelyanova N.M. *Musul'mane Osetii: Na perekrestke tsivilizatsiy: Monografiya* [Muslims of Ossetia: at the Crossroads of Civilizations: Monograph]. Moscow: Russian Institute of Cultural Studies Press; 2003. 359 p. (In Russian)
15. Bukharaev R. *Islam in Russia: The Four Seasons*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2014. 356 p.

16. Pilkington Y., Yemelianova G. *Islam in Post-Soviet Russia*. London: Routledge; 2022. 334 p.
17. *Istoriya Osetii. XX vek* [History of Ossetia. The twentieth century]. Dzasokhov A.L. (ed.). Moscow: Nauka Press; 2003. 632 p. (In Russian)
18. Osipov S.K. Religioznyy faktor v evolyutsii politicheskoy sistemy Rossii [Religious factor in the evolution of the political system of Russia]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life]. 2010;1:144–150. (In Russian)
19. Balikoev A.T. *Problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v Severnoy Osetii i mekhanizm ikh regulirovaniya. Avtoref. diss... kand. ist. nauk* [Problems of interethnic relations in North Ossetia and the mechanism of their regulation. Abstract of the dissertation in History]. Vladikavkaz, 2011. 27 p. (In Russian)
20. Rotstein A. *A people reborn: the story of North Ossetia*. London: Lawrence & Wishart; 2019. 431 p.
21. Molodikova I., Watt A. *Growing Up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education (Central Asian Studies)*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2019. 224 p.
22. Bliiev M.M. *Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii* [Russia and the mountaineers of the Greater Caucasus on the way to civilization]. Moscow: Mysl Press; 2004. 877 p. (In Russian)
23. Kuliev F.M.O., Kolesnikov I.N., Osipov S.K., Kasparjan K.V. Gosudarstvo i cerkov' v Rossijskoj imperii: problemy vzaimootnoshenij v XIX – nachale XX v. [The State and the Church in the Russian Empire: Problems of Relations in the XIX and early XX centuries]. *Voprosy istorii* [Historical issues]. 2022;7–1:90–96. (In Russian)
24. Klychnikov Ju.Ju., Lazarjan S.S. Gorskij plen i ego vlijanie na brachno-semejnuju i religioznuju zhizn' naselenija severokavkazskogo pogranič'ja v pervoj polovine XIX v. [Gorsky captivity and its influence on the marriage, family and religious life of the population of the North Caucasian borderland in the first half of the 19th century]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij* [Journal of Frontier Studies]. 2024;9(2(34)):81–97. (In Russian)

Информация об авторах

Кулиев Фарман Мурувват оглы, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, права и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского института-филиала ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Пятигорск, Российская Федерация.

Каспарян Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»; ведущий научный сотрудник Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре, г. Пятигорск, Российская Федерация.

Осипов Станислав Константинович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»; ведущий научный сотрудник Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре, г. Пятигорск, Российская Федерация.

About the authors

Farman Muruvvat oglu Kuliev, Dr. Sci. (History), Docent, the Head of the Department of History, Law and Humanities of the North Caucasus Institute-branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Pyatigorsk, the Russian Federation.

Konstantin V. Kasparyan, Cand. Sci. (History), Docent, Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University; Leading Researcher at the Department of Coordination of Research and Innovation and Project Activities in the specialty, Master's and postgraduate studies, Pyatigorsk, the Russian Federation.

Stanislav K. Osipov, Cand. Sci. (Philosophy), Docent, Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University; Leading Researcher at the Department of Coordination of Research and Innovation and Project Activities in the specialty, Master's and postgraduate studies, Pyatigorsk, the Russian Federation.

Ф.М. Кулиев, С.К. Осипов, К.В. Каспарян
Специфика и особенности конфессиональной политики Российской империи...
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 820-839

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2024
Одобрена рецензентами: 30 октября 2024
Принята к публикации: 15 ноября 2024

Article info

Received: October 15, 2024
Reviewed: October 30, 2024
Accepted: November 15, 2024